T33 62

25к.
Ш
30
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
М
1067203
Т33 62

ФИЛАРЕТЪ,

МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ

(Отрывокъ изъ записокъ Н. В. Сушкова.)

1863—1867 г.

Коломна — благословенная родина Василія Михайловича Дроздова. Нѣкогда — житница Москвы, вотъ она — *неистребляемое* зерно собираетъ на пищу жителей столицы: блюдетъ духовное сѣмя въ своемъ уроженцѣ, грядущемъ пастырѣ-проповѣдникѣ, сѣмя вѣры, любви, чистоты, мудрости, знанія, краснорѣчія — на питаніе православной паствы плодами духовными.

Духовное происхожденіе Дроздовыхъ ведется издалека; но маститый потомокъ ихъ вспомнилъ имена своихъ праотцевъ только до прадѣда, Игнатія, о которомъ впрочемъ ничего не дошло до него изъ семейныхъ преданій. Онъ служилъ гдѣ-то причетникомъ и однакожь, по всей вѣроятности, былъ человѣкъ начитанный и разумный, потому что заботился о пріуготовленіи своихъ сыновей на служеніе пресвитерское — и они достигли пресвитерства. Изъ нихъ Ѳедоръ Игнатьевичъ (отецъ Михаила Ѳедоровича и дѣдъ Василія Михайловича) былъ протоіереемъ Богоявленской въ Коломнѣ церкви. Другой его дѣдъ, по матери, Никита Афанасьевичъ также былъ священникомъ. Первый, будучи еще не старъ и пользуясь добрымъ здоровьемъ, сдалъ свой приходъ своему старшему сыну, съ благимъ намѣреніемъ въ мірѣ отдѣлиться отъ міра. Онъ удалился отъ всѣхъ знакомыхъ и родныхъ, повелъ жизнь уединенную, отшельническую, въ постѣ и молитвѣ, рѣдко выходилъ изъ своего домика; видали его только въ церкви. Не имѣя, по скудости, часовъ, онъ опредѣлялъ время келейной молитвы своей (3 раза въ день) горѣніемъ церковной восковой свѣчи.

Мать владыки (дочь Никиты Афанасьевича) Евдокія Никитична, помѣстясь на старости въ близкомъ сосѣдствѣ съ своимъ сыномъ, почти противъ воротъ Троицкаго (Сухаревскаго) подворья, также вела жизнь, по возможности, уединенную. Она часто говѣла и всегда пріобщалась въ его домовой церкви. Трогательная картина: дряхлая старушка мать предъ старцемъ сыномъ! Съ какою любовію пріобщаетъ

сынъ! Съ какою вѣрою пріобщается мать! Какою благодарностью къ Богу горятъ въ нихъ сердца! Какъ легко несется молитва ихъ къ искупителю Христу!.. Нерѣдко видали его, по частымъ недугамъ своей матери, торопливо идущимъ къ ея домику черезъ пространный дворъ, въ глухую ночь и въ зимнюю стужу, съ пособіемъ пастырской молитвы и сыновней любви. Крѣпкій духомъ, онъ забывалъ немощи своей дряхлѣющей плоти. Мирно покорный судьбамъ Божіимъ, онъ, не смущаясь кончиной ея, безъ рыданій принялъ послѣдній вздохъ усопшей, безъ рыданій отдалъ послѣдній долгъ отшедшей изъ времени въ вѣчность. Твердо бодрствуя на молитвѣ поминовеній и погребенія, обрѣлъ въ душѣ своей силы встрѣтить гробъ на кладбищѣ, проводить до могилы, посыпать перстію персть, и кротко-сиротливо возвратиться въ свою келлію къ обычнымъ трудамъ и подвигамъ. Въ урочные дни поминовеній онъ каждогодно посѣщалъ Пятницкое кладбище, гдѣ сложена земная одежда взятой изъ житейскаго міра души.

Первоначальное воспитаніе получилъ отрокъ Дроздовъ въ Коломенской семинаріи, въ послѣдствіи переведенной въ Тулу, за упраздненіемъ Коломенской епархіи.

Вспоминая о послѣднихъ архіереяхъ въ ней, владыка особенно любилъ говорить, при снисходительныхъ бесѣдахъ со мною, о Меѳодіи (Смирновѣ), какъ о человѣкѣ ученомъ, большой начитанности и (при хорошемъ знаніи еврейскаго языка) отличномъ латинщикѣ. По-латинѣ написалъ онъ и церковную исторію трехъ первыхъ вѣковъ. Лучше всего въ этомъ трудѣ (говорилъ митрополитъ), по объему и обработкѣ, *введеніе*. Собственно же исторія, по бѣглости и краткости изложенія, представляетъ какъ бы конспекты ученой диссертаціи. Такое пространное введеніе въ непространную исторію: „большая голова на маломъ туловищѣ“ — проявляетъ въ писателѣ и усидчивость и торопливость, и обширныя свѣдѣнія и неполноту соображеній. По-русски онъ немного писалъ; а предпочтительно владѣлъ и, можно сказать, особенно щеголялъ латинью, зная впрочемъ и греческій языкъ.

Переводимый изъ епархіи въ епархію, изъ Коломны въ Тулу, изъ Тулы въ Тверь, изъ Твери въ Ярославль, Меѳодій совершилъ свое святительское служеніе въ Псковѣ, въ санѣ архіепископа и въ званіи синодальнаго члена. Въ его время Тверь была, по пребыванію въ ней В. К. Екатерины Павловны (герцогини Ольденбургской, въ послѣдствіи королевы Виртембергской), какъ бы столицей небольшаго германскаго Двора. Отсюда онъ легко могъ бы попасть на кресло первоприсутствующаго въ Св. Синодѣ. Но латынь и еврейскій языкъ хороши въ университетахъ и академіяхъ; а суровая ученость, при необщительности строгаго и нѣсколько угловатаго пастыря, непріятно дѣйствовала на среду, съ которой онъ соприкасался по своему положенію. Его, какъ говорится, „спустили по холодку.“

Родители „Василія Дроздова,“ — черезъ 27 лѣтъ „инока Филарета,“ были любимы и уважаемы въ Коломнѣ. Прихожане усердно заботи-

лись о ихъ благосостояніи. Однако доброе расположеніе къ своему приходскому священнику не скоро открылось въ нихъ. Михаилъ Ѳедоровичъ былъ посвященъ не по желанію прихожанъ, а по выбору епархіальнаго начальника (до того онъ былъ дьякономъ каѳедральнаго собора); они имѣли въ виду другаго и долго хлопотали о его назначеніи. Дѣло сдѣлалось не такъ, какъ имъ хотѣлось. Отсюда недоброжелательство прихожанъ къ своему смиренному пастырю. Въ намѣреніи заставить его удалиться, они умалили до крайней степени свои ему приношенія на хлѣбъ насущный, при исполненіи духовныхъ требъ. Такъ, ни радостное рожденіе младенца, ни благоговѣйное напутствованіе умирающаго, ни свадьба, ни похороны, ни крестины, ни молебствія въ храмовые и семейные праздники, даже посвященные дни Богоматери, даже свѣтлый день Воскресенія не сопровождались тѣми, по силѣ каждаго, приношеніями, безъ которыхъ трудъ и лишенія усугубляются въ безпомощной семьѣ. Михаилъ Ѳедоровичъ не роптalъ; жена его Евдокія Никитишна не упадала духомъ; они переносили нужду, какъ испытаніе, Богомъ имъ посланное — и истинно по Евангелію „всякой день брали свой крестъ.“ Наконецъ терпѣніе побѣдило жестокосердіе. Прихожане и прихожанки образумились, очувствовались и сознались въ своей несправедливости къ отцу Михаилу. Они видѣли, что онъ заботится о благолѣпіи и чистотѣ Божьяго дома; что онъ благоговѣйно, по чиноположенію, всегда усердно совершаетъ каждое служеніе Господу; что во всякое время, и днемъ и ночью, какая бы ни была погода, какое бы ни было разстояніе отъ его дома до призывающихъ священника (приходскій ввѣренный ему храмъ во имя св. Троицы былъ на концѣ города, въ Ямской слободѣ), онъ, прерывая сонъ и отлагая свои дѣла, даже пищу, неудержимо спѣшитъ къ нимъ съ духовнымъ пособіемъ и утѣшеніемъ; что жизнь его и матушки Евдокіи Никитишны проходитъ въ постѣ и молитвѣ, въ трудахъ и лишеніяхъ. И обратились гонители къ невинно-гонимымъ. И удалилась отъ нихъ злая нужда.

Между тѣмъ благочестивая чета обрѣла благословеніе Божіе: подъ кровомъ дѣдушки, когда еще Михаилъ Ѳедоровичъ былъ соборнымъ дьякономъ, родился ей сынъ на утѣху и опору подъ старость лѣтъ. Крещеніе младенца совершилось въ Богоявленской церкви 1-го января 1783 г. Воспріемникомъ былъ соборный ключарь Петръ Васильевъ, воспріемницей жена іерея Никиты Афанасьева Домника Прокофьева *).

26-го декабря 1782 г. Коломна не разумѣла еще какого младенца даровалъ ей Богъ?... въ 1822, черезъ сорокъ лѣтъ, 28-го мая, она спѣшитъ въ срѣтеніе своему архипастырю—помолиться съ нимъ въ домѣ Божіемъ, принять его благословеніе, прослушать его проповѣдь „о любви,“ какъ 40-же почти лѣтъ позже, въ день празднованія премудрости Божіей, 17-го сентября 1861 г., слушала ученіе о молитвѣ.

*) Приложеніе I.

Первое слово сказано въ Успенскомъ соборѣ въ недѣлю всѣхъ святыхъ; второе прочитано викаріемъ епископомъ Леонидомъ въ Тихвинскомъ (Сл. и Р. ч. I стр. 84 и ч. III стр. 370).

Увидѣвъ впервые послѣ столькихъ лѣтъ свою милую родину, проповѣдникъ исполнился мирною радостью, сладостными воспоминаніями о дѣтскихъ дняхъ, о близкихъ его сердцу.

„По неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, видя себя вновь посреди сего града, въ которомъ суждено было мнѣ въ первый разъ увидѣть свѣтъ, и отъ котораго теченіемъ происшествій увлеченъ я былъ такъ, что никогда уже видѣть его не чаялъ,—сверхъ чаянія, вновь находясь посреди братій и ближнихъ, въ сообществѣ которыхъ получилъ первыя пріятныя ощущенія жизни, желалъ бы я совершенно предаться сильному влеченію любви къ отчизнѣ,—любви, по которой, какъ изъясняется нѣкто изъ Іерусалимлянъ, дѣти Іерусалима *благоволиша каменіе его, и персть его ущедрятъ* (Псал. CI, 15), то-есть самые камни отечественнаго града имъ любезны, милъ даже прахъ путей его. Сердце мое готово теперь воспѣвать сему граду пѣснь, которую они воспѣвали своему Іерусалиму...“

Но вотъ онъ слышитъ слова Христовы: *Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ!* и возглашаетъ въ храмѣ родномъ среди ближнихъ и братій: „Покорю любовь къ ближнимъ и братіямъ,—покорю любви къ Богу и Христу; *забуду люди моя и домъ отца моего*, и потщуся помнить токмо людей Господнихъ и домъ Отца небеснаго?“...

И вотъ онъ учитъ любви къ Богу и Христу: „Если нѣтъ любви, то вѣра не имѣетъ силы и успѣха и не достигаетъ спасенія. Вѣра безъ любви есть образъ безъ жизни: любовь, какъ дыханіе Св. Духа, одушевляетъ вѣру и творитъ ее дѣятельною и спасительною. Если желаешь спасенъ быть вѣрою: возлюби Того, въ Кого вѣруешь“...

„Любовь къ Богу все обращаетъ въ средство къ нашему спасенію и блаженству; безъ нея всѣ средства не достигаютъ сей цѣли. Не будетъ свѣтить свѣтильникъ безъ елея: и молитва не озаритъ духа безъ любви. Не взыдетъ безъ огня куреніе кадила и молитва безъ любви не взыдетъ къ Богу“...

Коломна молилась и радовалась на своего роднаго учителя. Тогда миновала четверть почти вѣка той порѣ, какъ миловидный, любознательный и благонравный юноша (за перемѣщеніемъ въ 1799 г. семинаріи изъ Коломны въ Калугу), на 17-мъ году своего мирнаго существованія, покинулъ родительскій домъ, чтобы пріютиться подъ кровомъ Троице-Сергіевской Лавры и въ ней довершить свое образованіе.

Когда онъ прибылъ въ Лавру, съ нѣсколькими изъ своихъ коломенскихъ товарищей, всѣмъ имъ было объявлено, что они будутъ понижены однимъ классомъ. Отецъ его потребовалъ для своего сына экзамена. На испытаніи предложена коломенскому студенту задача изъ философіи: „о врожденныхъ идеяхъ.“ Дали юношѣ листъ бумаги

и онъ, окруженный преподавателями, на глазахъ ректора и намѣстника, долженъ былъ писать по-латынѣ на заданную тему. Вопросъ имъ скоро разрѣшенъ—и пришелецъ коломенскій принятъ на философскій курсъ.

Молитвою къ Св. Сергію и молитвами Св. Сергія онъ обрѣлъ глубокомысленный, страхомъ Божіимъ, вѣрою во Христа и любовію къ ближнимъ проникнутый взглядъ на міръ, на жизнь, на людей. По минованіи короткаго времени учебнаго курса, ученикъ Лаврской семинаріи сталъ въ ней учителемъ (съ 27-го ноября 1803 г.) Въ началѣ онъ преподавалъ еврейскій и греческій языки, а потомъ высшее краснорѣчіе и риторику. Ректоръ архимандритъ Евграфъ (Музалевскій-Платоновъ) прочилъ его на философскую каѳедру; но онъ всячески уклонялся отъ такой чести, не сознавая себя достаточно свѣдущимъ въ наукѣ вообще и въ любомудріи преимущественно. Вотъ первая черта смиренія въ юношѣ, развившагося до младенческой простоты смиренномудрія въ старцѣ.

Объ отроческой, ученической, а потомъ учительской и иноческой жизни его сохранилось такое преданіе: онъ любилъ музыку, занимался шахматной игрой и потѣшался ловлею рыбы: смѣло, съ рыбачьей сѣтью, впереди своихъ товарищей, на заводи, или, какъ говорится у рыбаковъ, на крылѣ носился юноша по виѳанскимъ глубокимъ прудамъ. Какъ кстати это занятіе рыбной ловлей, это содружество съ любезной благословеннымъ рыбарямъ-апостоламъ стихіей въ преемникѣ ихъ по рукоположенію святительства!.. Позже покинувъ отроческія забавы и устраняя праздность отъ головы и сердца, даже въ краткіе часы отдыха отъ молитвъ и уроковъ, онъ употреблялъ ихъ обыкновенно то на головоломную игру въ шахматы—это для упражненія ума, то на извлеченіе стройныхъ звуковъ изъ дѣдовскихъ гуслей—это для занятія души. Съ дѣтства прислушивался внукъ къ игрѣ на нихъ своего дѣда и перенялъ отъ него искусство бряцать по струнамъ царя-пророка. Жаль, что въ нашихъ обителяхъ и духовныхъ училищахъ забыты псалтырь и гусли Давида. Я помню еще бойкихъ гусляровъ въ народѣ; теперь рѣдко-рѣдко гдѣ найдется этотъ древній кивотъ священныхъ псалмопѣній.

Вспоминая о счастливой порѣ дѣтства, онъ съ любовію вспоминаетъ и о своихъ товарищахъ, начальникахъ, учителяхъ и ученикахъ. Въ числѣ ихъ ректоръ Евграфъ оставался съ нимъ въ дружбѣ до конца своей жизни. Только однажды они было поразладили; но остуда между ними вскорѣ согрѣлась взаимностью чувствъ пріязни и уваженія другъ къ другу. Ректоръ, по давнему обычаю въ Лаврѣ, устраивая подобающую встрѣчу митрополиту Платону, въ день его именинъ, предложилъ Василью Михайловичу написать въ честь ему стихи и съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей выдти передъ гостей въ сочиненномъ на заданную тему разговорѣ. Стихи по-латынѣ были имъ написаны; а отъ разговора онъ отказался: „это театральное представле-

ніе! я не желаю быть актеромъ.“ Отсюда кратковременная между ими остуда.

Любовь питомца къ своему духовному, тайнонаставнику Св. Сергію, къ мѣсту своего окончательнаго воспитанія и къ освященнымъ окрестностямъ Лавры, къ Виѳаніи и къ Геѳсиманіи чувствуется въ очень многихъ изъ словъ и рѣчей его. Онъ любитъ вспоминать время своего дѣтства въ родной ему Коломнѣ и время сиротства въ обители, изъ которой въ вакаціонную пору воспитанники перебирались на отдыхъ и прогулки за 3 — 4 версты подъ тѣнь дремучихъ лѣсовъ, гдѣ теперь геѳсиманскій скитъ, и вотъ черезъ 60 лѣтъ, при освященіи тамъ храма Св. Праведнаго Филарета Милостиваго, 27-го сентября 1860 г., воспоминанія въ душѣ его пробудились — и рисуетъ онъ въ 32-й проповѣди былое (стр. 199 ч. III). „Мѣсто, гдѣ мы теперь находимся, въ продолженіи шестидесяти лѣтъ знаю какъ очевидецъ и сверхъ того, когда пришелъ я сюда въ первый годъ текущаго столѣтія, встрѣтилъ здѣсь ясные слѣды и воспоминанія прошедшаго столѣтія. Да не покажется то празднымъ словомъ, если возобновлю теперь нѣкоторыя изъ сихъ воспоминаній. Это будетъ не мимо нынѣшняго праздника.“

„Здѣсь былъ домъ изящнаго зодчества, который устроеніемъ своимъ показывалъ, что онъ назначенъ былъ не для постояннаго жительства, а только для лѣтнихъ увеселительныхъ посѣщеній. Здѣсь былъ садъ, въ которомъ растительная природа слишкомъ много страдала отъ искусства, ухищрявшагося дать ей образы, ей несродные. Для чего это сдѣлала обитель монашествующихъ? Какъ взиралъ на сіе преподобный Сергій, любитель простоты, и никакъ не любитель роскоши и чувственныхъ удовольствій? Какъ допустилъ онъ сіе въ своей области, такъ близко къ нему?“

„Во первыхъ, думаю, онъ снисходительно смотрѣлъ на дѣло, потому что имѣлъ въ виду намѣреніе, которымъ или оправдывалось или извинялось дѣло. Урочище сіе было украшено для царскихъ посѣщеній. Тогда какъ высота царская смирялась предъ смиреніемъ святаго; тогда какъ благоговѣніе меньшихъ сыновъ преп. Сергія соединялось съ благоговѣніемъ державныхъ въ молитвѣ о спасеніи душъ ихъ и о благѣ царства ихъ: вѣрноподданническая любовь желала проявить себя и въ томъ, чтобы представить царскимъ взорамъ нѣкія черты обычнаго для нихъ благолѣпія и великолѣпія.“

„Во вторыхъ, преподобный Сергій безъ прещенія допускалъ, чтобы въ области его являлись нѣкоторые виды мірскаго великолѣпія, думаю, потому, что смотрѣлъ на нихъ какъ на пробѣгающую тѣнь; и, какъ таинникъ Провидѣнія Божія, предоставлялъ себѣ въ послѣдствіи времени открыть здѣсь иные, духу его свойственные виды.“

„Внѣшнія обстоятельства Сергіевой Лавры измѣняются. Ея древнее достояніе вземлется отъ нея, и чрезъ то снимаются съ нея многія мірскія обязанности и заботы. Прежнее великолѣпіе становится

не нужнымъ такъ какъ и невозможнымъ. Здѣшній царскій домъ и садъ дѣлаются мѣстомъ скромнаго отдохновенія наставниковъ и учениковъ духовнаго училища, которое Лавра основала въ своихъ стѣнахъ, на своемъ иждивеніи, во дни своего изобилія. По времени увеселительнаго дома не стало: садъ, уступленный искусствомъ природѣ, обратился въ лѣсъ. Такимъ образомъ преп. Сергій достигъ того, что упразднилось здѣсь мірское, допущенное на время; и, какъ бы желая вознаградить себя за сіе допущеніе, благоизволилъ, чтобъ здѣсь водворилось духовное."

Еще нѣсколько строкъ изъ 20-го слова въ ч. II, стр. 67 — 68.

„Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятыя Троицы? Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но сердца молящихся горятъ тише и яснѣе свѣщи, и пламень ихъ досягаетъ до неба, и ангелы восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной. Отворите мнѣ дверь тѣсной келліи, чтобы я могъ вздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій преподобнаго Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его, въ которомъ впечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчественныхъ, чудодѣйственныхъ. Дайте мнѣ облобызать прагъ ея сѣней, который истертъ ногами святыхъ, и чрезъ который однажды переступили стопы Царицы Небесной. Укажите мнѣ еще другія сѣни другой келліи, которую въ одинъ день своими руками построилъ преподобный Сергій и въ награду за трудъ дня и за гладъ нѣсколькихъ дней получилъ укругъ согнивающаго хлѣба."

Далѣе. „Вѣдь это все здѣсь: только закрыто временемъ, или заключено въ сихъ величественныхъ зданіяхъ, какъ высокой цѣны сокровище въ великолѣпномъ ковчегѣ. Откройте мнѣ ковчегъ; покажите сокровище; оно непохитимо и неистощимо; изъ него, безъ ущерба его, можно заимствовать благопотребное, напримѣръ, безмолвіе молитвы, простоту жизни, смиреніе мудрованія."

Въ 1808 г. ноября 16-го, послѣ вечерни, повергся у священной раки Чудотворца новопризванный инокъ его древней обители. Василій Дроздовъ нареченъ Филаретомъ. Въ день празднованія преподобному Никону, 17-го числа, впервые облекся онъ въ монашескую рясу и сталъ въ ряды воиновъ Христовыхъ; а черезъ пять дней отъ постриженія посвященъ въ іеродіакона. Онъ былъ тогда на 27 году. Правило не постригать въ монашество до установленнаго возраста не всегда строго соблюдалось. Бывали исключенія по обстоятельствамъ и видамъ духовнаго начальства. Такъ было и съ нимъ. Митрополитъ Платонъ, какъ бы предвидя въ немъ одного изъ своихъ преемниковъ, ревниво сберегалъ его для Лавры и когда въ Синодѣ возникъ вопросъ о лѣтахъ Василія Дроздова, онъ объявилъ, что срочный годъ не далеко— и Синодъ предоставилъ архимандриту Свято-Троице-Сергіевой Лавры совершить постриженіе, когда наступитъ срочное время. Такъ прежде

этой рѣшительной поры въ жизни любимца Платонова два раза Коломенскіе жители просили поставить къ нимъ студента Дроздова священникомъ, но въ оба раза имъ было отказано. Объ одной изъ двухъ неудачъ просителей М. П. Погодинъ доставилъ мнѣ разсказъ И. И. Лажечникова. Листокъ даровитаго писателя содержитъ два анекдота о М. М. Платонѣ. Ни того ни другаго однако нѣтъ въ двухъ изданіяхъ книги его біографа И. М. Снегирева: „Жизнь М. М. Платона.“ По разсказу Лажечникова купецъ Евстратій Лахтинъ явился въ Виѳанію съ заручной отъ прихожанъ „церкви Воскресенія, что въ крѣпости.“ Митрополитъ сказалъ ему: „избери самъ посреди воспитанниковъ Академіи.“—Если такова милость *твоя* къ паствѣ Коломенской — проговорилъ Евстратій — то *дай* намъ въ пастыря Василія Дроздова“.... На это онъ получилъ въ отвѣтъ *пророчество*, что—(какъ объяснялъ будто-бы ему митрополитъ)—„такой же бѣлый клобукъ, какой ты на мнѣ видишь, ожидаетъ его (Дроздова) со временемъ.“

Сказаніе это сомнительно: 1) не углубляясь въ древность, что до времени Платона, то едва ли тогда, какъ и теперь, гдѣ либо и кому бы то ни было дозволялось выбирать священника или діакона изъ духовныхъ воспитанниковъ до выпуска ихъ изъ училищъ; епархіальное начальство само удостоиваетъ посвященія въ то или другое званіе лучшихъ изъ нихъ по успѣхамъ и поведенію. 2) Академіи тогда еще не было въ Лаврѣ. 3) Предсказаніе о бѣломъ клобукѣ было бы преждевременно, потому что знаменитый ученикъ Лавры не поступалъ и не извѣстно тогда было даже поступитъ ли въ монашество. Впрочемъ самъ владыко рѣшительно отвергъ такое о себѣ прорицаніе. 4) Едва ли Коломенскій купецъ разговаривалъ съ архипастыремъ такъ за просто: *твоя* милость, *дай* и т. д. Дѣло было такъ: приходили, какъ выше сказано, съ заручной просьбой изъ Коломны; не уклонялся отъ поступленія въ священство и приглашаемый; но митрополитъ не отпустилъ своего *проповѣдника* на родину. Онъ всегда любовался его проповѣдями—и издавъ „исторію церкви,“ подарилъ ему одинъ оттискъ съ такою надписью: „Господину Дроздову — отличному проповѣднику.“—Проповѣдникъ-старецъ еще не давно (въ концѣ 1863 г.) вспоминалъ объ этомъ подаркѣ и объ этой одобрительной надписи.

Конечно, вниманіе такого лица, какъ Платонъ, могло не позабыться. Но нашъ любвеобильный пастырь сохранилъ въ сердцѣ своемъ память и о такихъ мелкихъ людяхъ, о которыхъ другіе никогда бы и не подумали. Онъ съ чувствомъ признательности вспоминалъ какъ-то о своихъ *первыхъ служкахъ* въ древней столицѣ. Когда его назначили въ Московскую епархію, онъ былъ въ Петербургѣ. Ему нужно было дождаться своего предмѣстника. Митрополитъ Серафимъ привезъ съ собою двухъ служекъ, двухъ братьевъ Утениныхъ, взятыхъ имъ изъ Чудова. Новый пастырь Москвы оставилъ ихъ при себѣ. Оба они, какъ и всѣ, которыхъ я зналъ понынѣ, были преданы своему властителю. Одинъ изъ нихъ, по истеченіи 25 лѣтъ пребыванія владыки

на Московской паствѣ, поджидалъ до утренней службы минуты, когда можно было войти въ его спальню, чтобъ первому поздравить дорогаго святителя съ юбилеемъ — и тронуло митрополита такое усердіе къ нему и не забылъ онъ простое слово привѣтствія своего давняго прислужника.—Другой, избѣгая рекрутской повинности, записался въ купеческое сословіе и все-таки не покинулъ своей должности и стоически трясся на высокихъ запяткахъ владычной кареты — и владыка помнилъ его службу и преданность.

Инокъ-преподаватель и наставникъ въ средѣ своихъ товарищей, при разныхъ трудахъ и занятіяхъ, подвизался въ постѣ и молитвѣ, запасался духовными силами на совершеніе предлежавшаго ему поприща.

Въ 1809 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ.

Въ свѣтлый день Богоявленія, на зарѣ, въѣзжаетъ въ заставу рогожная кибитка; изъ нея съ любопытствомъ оглядываетъ по пути молодой, въ цвѣтѣ лѣтъ іеродіаконъ высокія, нерѣдко сплошныя зданія по обѣ стороны длинныхъ, широкихъ, стройныхъ улицъ, любуется красотой сѣверной Пальмиры, дивится малочисленности храмовъ Божіихъ, и въ раздумьи достигаетъ Александро-Невской Лавры, гдѣ черезъ четыре не вступно мѣсяца отъ посвященія въ іеродіакона—28-го марта, въ Пасху, онъ былъ посвященъ въ санъ іеромонаха и усердно отслужилъ двѣ литургіи: одну еще дьякономъ, другую уже возносителемъ безкровной жертвы.

Знавшій и оцѣнившій его ректоръ Лаврской семинаріи Евграфъ былъ тогда ректоромъ С.-Петерб. Духовной Академіи. Три раза ходатайствовалъ онъ о назначеніи своего воспитанника баккалавромъ, три раза—неудачи. Его назначили (1-го марта 1809 г.) въ Петербургскую семинарію инспекторомъ „въ званіи академическаго баккалавра“ и профессоромъ философскихъ наукъ, отъ преподаванія которыхъ онъ такъ усильно отбивался въ Сергіевской Лаврѣ, гдѣ, какъ говорятъ, любимой его мечтой было желаніе удостоиться по времени стать „гробовымъ“ у раки преподобнаго Сергія. Наконецъ въ 1810 г. (8-го февраля) юный инспекторъ семинаріи и ректоръ Александровскаго уѣзднаго училища перемѣщенъ баккалавромъ богословскихъ наукъ въ академію, гдѣ преподавалъ „догматическое богословіе, церковную исторію и древности церковныя.“—30-го іюня 1811 г. онъ, въ смиренномъ званіи іеромонаха (чуть ли это не первый былъ примѣръ), Всемилостивѣйше пожалованъ за отличіе въ проповѣданіи слова Божія наперснымъ крестомъ съ драгоцѣнными камнями, а черезъ нѣсколько дней послѣ этой награды возведенъ въ санъ архимандрита (8-го іюля).

До полученія постоянной должности инокъ, заброшенный судьбой на берега Невы, пріютился у своего прежняго наставника, добраго, почтеннаго ректора Евграфа. Тутъ сошлись скудость съ нуждою. И хозяинъ и гость небольшія имѣли средства къ жизни. И помѣщеніе-то ихъ было до того тѣсно, что негдѣ было поставить кровати для гостя, который и клалъ свою постель на полу.

Въ началѣ 1812 г. (11 марта) архимандритъ Филаретъ опредѣленъ ректоромъ Духовной академіи и въ тоже время настоятелемъ Юрьева монастыря. Настоятельство продолжалось (Чт. въ Общ. И. и Др. Рос. 1858 кн. II „Описаніе Новгородскаго Юрьева монастыря“ о. Макарія, стр. 108) съ 27-го, а по послужному списку съ 29 марта 1812 г. по 7 марта 1816 г., когда онъ былъ назначенъ настоятелемъ Московскаго Ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря (число взято изъ статьи о. Макарія).

Пять лѣтъ пробылъ онъ въ трудной должности ректора до 1817 г., когда былъ посвященъ въ санъ архіерейскій, назначенъ викарнымъ С. П. Б. Митрополита, наименованъ епископомъ Ревельскимъ и членомъ главнаго правленія училищъ.

Между тѣмъ прибылъ изъ Германіи на берега Невы одинъ изъ послѣдователей Канта, нѣкто Фесслеръ. Сильно поддерживаемый Сперанскимъ, онъ скоро сталъ замѣчательнымъ лицемъ. Вотъ какъ дошла до него рѣчь. Въ книгѣ II Чтеній въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1859 редакторъ О. М. Бодянскій помѣстилъ замѣчанія на его „конспектъ философскихъ наукъ“ рязанскаго архіепископа Ѳеофилакта. Разсуждая о статьяхъ въ этой книгѣ напечатанныхъ, митрополитъ московскій вспомнилъ и о лично извѣстномъ ему Фесслерѣ.

„Критицизмъ“ Канта (род. въ 1724 г., ум. въ 1804) произвелъ сильное вліяніе на современныхъ ему мыслителей. Ученіе его господствовало въ Германіи въ продолженіи четверти столѣтія. Когда впослѣдствіи закрыты были въ ней каѳедры Кантовой философіи, многіе изъ учениковъ и послѣдователей Канта удалились въ чужіе края и къ намъ въ Россію. Въ числѣ ихъ профессоры университетовъ: Московскаго—Мельманъ (исключенъ изъ университета въ 1795 г.) и Буле, Дерптскаго—Паротъ, Харьковскаго—Якобъ и С.-Петербургской духовной академіи—Фесслеръ.

Какъ конспектъ во многомъ расходился съ ученіемъ православной церкви, то замѣчанія рязанскаго архіепископа Ѳеофилакта (члена коммиссіи духовныхъ училищъ) отстранили Фесслера отъ каѳедры въ петербургской духовной академіи, и тѣмъ легче, что въ „ученыхъ вѣдомостяхъ“ 1810 г. (№№ 38, 39, 57 и 58) про него сказано, что будто бы онъ „прошелъ всѣ степени вѣры, сомнѣнія и познаній, и что потерявши первую и не удовольствовавшись послѣдними, погрузился въ совершенный идеализмъ.“ А по мнѣнію строгаго Ѳеофилакта онъ и иллюминатъ, и пантеистъ—все что угодно.. Въ сущности же Фесслеръ былъ жалкой игрушкой слѣпой судьбы, гонявшей его изъ края въ край, изъ церкви въ церковь и по жизни своей всего скорѣе могъ бы назваться фаталистомъ. Въ началѣ онъ принадлежалъ къ римскому духовенству. Не поладивъ съ братіей Капуцинскаго ордена, и будучи вынужденъ покинуть монастырь, въ которомъ занимался богословіемъ и философіей, онъ отказался отъ латинскаго вѣроисповѣданія и сталъ лютераниномъ. Изыскивая средства къ пропитанію, бѣднякъ скитался

изъ страны въ страну, изъ города въ городъ и дошелъ до такой нищеты, что когда приходилось ему смѣнять бѣлье, несчастный въ продолженіе мытья и сушки, т.-е. часа два сидѣлъ запершись въ своей горенкѣ, окутанный въ одѣяло. Перебравшись въ Берлинъ, онъ вынужденъ былъ, чтобъ не умереть съ голоду, писать журнальныя статьи и романы, за которые получалъ умѣренную плату съ листа. Пытался онъ заняться и адвокатствомъ. Наконецъ графъ Сперанскій вызвалъ его въ Россію. Тогда (въ 1810 г.) наше правительство заботилось о возможно лучшемъ устройствѣ с.-петербургской духовной академіи и повсюду отыскивало ученѣйшихъ преподавателей. Такимъ образомъ экс-католикъ и на ту пору лютеранинъ сталъ учителемъ въ православной академіи. На первый разъ ему досталась каѳедра еврейскаго языка (при предсѣдательствѣ въ одной изъ масонскихъ ложъ въ Петербургѣ). Потомъ предполагалось возвести его на каѳедру философіи, что, какъ мы видѣли, не состоялось. Конспектъ написанъ имъ полатынѣ. Какъ въ коммиссіи духовныхъ училищъ, долженствовавшей обсудить предначертаніе профессора, были и такіе члены, которые не разумѣли латинскаго языка, то его нужно было перевести на русскій и этотъ переводъ составленъ баккалавромъ духовной академіи Филаретомъ. Замѣчательно, что ему же (архимандриту уже и ректору, тогда пылкому, восторженному, молодому человѣку, нынѣ смиренно-мудрому старцу первосвятителю) довелось и позже перевести другую тетрадь Фесслера „о философіи древней и новой или восточной и западной“, иначе о переходѣ или такъ сказать о переливѣ первой во вторую. Эта тетрадь была найдена въ числѣ бумагъ Сперанскаго, при опалѣ и высылкѣ его изъ Петербурга.

Послѣ всѣхъ неудачъ наконецъ Фесслеръ попалъ въ Саратовъ суперинтендантомъ и охотно проповѣдывалъ свои мнѣнія сарептскимъ гернгутерамъ. Посвященъ онъ былъ въ Финляндіи. Умеръ въ томъ же году (1839), какъ и покровитель его Сперанскій.

Изъ Ревеля Владыко переведенъ въ Тверь архіепископомъ и именованъ членомъ св. синода въ 1819 г. (15 марта). Черезъ полтора года, въ сентябрѣ 1820, перемѣщенъ въ Ярославль и на слѣдующій 1821 г. въ матушку Москву златоглавую.

Пастырская дѣятельность его впервые проявилась въ тверской епархіи. Въ прибалтійской сторонѣ и въ предѣлахъ святительства Св. Димитрія Ростовскаго ему не удалось побывать. Въ Ревель не пустили его занятія по обязанностямъ викарнаго при ветхомъ лѣтами Амвросіи; въ Ярославль—дѣла Синода, въ которомъ онъ былъ на очереди; а между тѣмъ его перемѣстили подъ сѣнь московскихъ чудотворцевъ. Душа его рвалась однако въ Ростовъ поклониться св. Димитрію и прочимъ св. мужамъ „такъ давно святой земли.“ Не скоро исполнилось его желаніе. Въ 1836 г. онъ посѣтилъ ставропигіальный іаковлевскій монастырь и 14 іюня излилъ свои смиренныя чувства предъ лицемъ давнихъ служителей слова:

„Говорить ли мнѣ здѣсь? Тратить ли для сосѣдней нивы сѣмя слова, котораго запасъ въ моей малой кошницѣ слишкомъ скуденъ для насѣянія участка земли, собственно мнѣ указаннаго небеснымъ земледѣльцемъ? Не дерзновенно ли отверзаю мои уста здѣсь, гдѣ, кажется, еще не совсѣмъ замолкло духовное вмѣстѣ и витійственное слово святителя Димитрія, гдѣ сильнѣе всякаго слова говорятъ дѣла его и единочестныхъ предшественниковъ его Іакова, Игнатія, Исаіи, Леонтія, не только учительныя дѣла святой и святительской жизни, но еще болѣе чудныя дѣла, совершаемыя среди гробоваго покоя? Не лучше ли въ благоговѣйномъ безмолвіи смотрѣть на сію, такъ давно святую землю, на сей древній вертоградъ и разсадникъ святыни и преподобія, гдѣ рано процвѣлъ Авраамій, откуда пересажденъ многоплодный добродѣтелями и дарованіями, многовѣтвистый учениками, Сергій, откуда Іовъ возросъ до неизвѣстной прежде на сѣверѣ высоты патріаршества, гдѣ родоначальникъ царей святительствовалъ и готовился поддержать потрясенный первосвятительскій въ Россіи престолъ? И такъ умолкнуть?“

„Но не само ли слово Божіе изрекло законъ слова человѣческаго: „*отъ избытка сердца уста глаголютъ.*“ „Нѣтъ, не возбраняйте устнамъ моимъ немощнымъ, сильные Богомъ служители и творцы слова, но паче, данною вамъ благодатію, уврачуйте мою немощь, восполните мое оскудѣніе, какъ на немногія минуты настоящаго слова, такъ и на весь остатокъ моего недостойнаго служенія слову, если какой сохраняется еще мнѣ долготерпѣніемъ и благодатію небеснаго пастыреначальника“.

Древняя столица радовалась перемѣщенію архіепископа ярославскаго. Московская Консисторія поспѣшила передать ему и свою личную радость, вмѣстѣ съ изъявленіемъ благихъ желаній и надеждъ. Не замедлилъ и онъ отвѣтомъ на привѣтъ, „сквозь который уразумѣлъ и нѣкій себѣ совѣтъ.“

Почтенный архимандритъ Даниловскаго монастыря Іаковъ, узнавъ, что я веду настоящія записки и желая пособить мнѣ въ моемъ стараніи собрать всевозможныя о нашемъ архипастырѣ свѣдѣнія, доставилъ мнѣ списки съ отзыва къ нему Консисторіи и съ его отвѣта ей, на имя одного изъ членовъ ея, архимандрита Спасо-Андроніевскаго монастыря Гермогена (Приложенія II и III).

14 августа 1821 г. новый пастырь, при вступленіи въ управленіе московскою паствою, привѣтствовалъ церковь престольнаго града привѣтствіемъ апостола Павла церкви въ Римѣ: „благодать вамъ и миръ отъ Бога, Отца Нашего и Господа Іисуса Христа.“

Смиренно ставъ „среди столь великія церкви“,—умаляясь и благоговѣя предъ своими предмѣстниками, исповѣдавъ свое опасеніе пріять доставшійся ему жребій служенія: *избери могуща иного, его же послеши* (Исх. IV, 13), намекнувъ, что принялъ высокое служеніе по послу-

шанію волѣ Господней: *азъ же кто есмь, могій возбранити Бога* (Дѣян. XI, 17), новый пастырь преподалъ назидательное поученіе своей новой паствѣ, молилъ молитвъ о себѣ сопастырей и заключилъ свое первое въ Москвѣ слово молитвою *о мирѣ всѣмъ и каждому*: „Миръ пасущимъ стадо Божіе—въ христіанскомъ послушаніи пасомыхъ; миръ пасомымъ — въ отеческомъ и братскомъ попеченіи пасущихъ. Миръ начальствующимъ — въ вѣрности подчиненныхъ. Миръ подчиненнымъ — въ мудрости и кротости начальствующихъ. Миръ судящимъ — въ непритворной искренности судимыхъ; миръ судимымъ—въ прозорливости и безпристрастіи судящихъ. Миръ продающимъ и купующимъ — во взаимномъ отвращеніи отъ лукавства и обмана. Миръ дѣлающимъ и трудящимся—въ благословенномъ успѣхѣ полезнаго дѣянія и въ обильномъ плодѣ труда праведнаго. Миръ всѣмъ! Аминь.“

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Получено лично отъ Владыки *).

I.

Въ Архивѣ Московской Духовной Консисторіи по справкѣ.

По метрикамъ г. Коломны Богоявленской церкви за 1782 г. въ 1-й части о рождающихся въ декабрѣ подъ № 19-мъ число 26-е записано:

„У соборнаго діакона Михаила Ѳедорова родился сынъ Василій. Крещенъ генваря 1-го числа. Воспріемникомъ былъ соборный ключарь Петръ Васильевъ, воспріемница Домника Прокопіева жена іерея Никиты Аѳонасьева.“

Съ подлинною записью вѣрно:

Исправляющій должность Секретарь Консисторіи
Розановъ.

4-го февраля, 1864.

*) Замѣтка Н. В. Сушкова.

II.

Письмо Членовъ Московской Духовной Консисторіи къ Преосвященному Архіепископу Филарету.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій отецъ и Архипастырь!

Восхищаясь вожделѣннымъ событіемъ, увѣнчавшимъ желанія паствы, верховнымъ промысломъ ввѣренной управленію Вашему,—въ лицѣ оной осмѣливаемся открыть предъ Вами сыновнія чувства. Имѣя предметомъ распространеніе живыхъ истинъ, почерпнутыхъ Вами изъ источника жизни, Вы всегда были украшеніемъ церкви, истинно вѣрующихъ. Просвѣщеніе, распространяемое Вами, какъ примѣромъ назидательной жизни, такъ и образованными произведеніями озареннаго свыше ума Вашего; кротость, свойственная Вашему духу, и мудрыя распоряженія, принимаемыя Вами къ утвержденію порядка, одушевляютъ и насъ надеждою отвѣтствовать благимъ начинаніямъ Вашимъ. Сладостно хотя нѣсколько содѣйствовать намѣреніямъ такого Архипастыря, который поставляетъ существенною для себя обязанностію назидать и дѣйствовать по правиламъ любви христіанской.

Простите, Милостивѣйшій Архипастырь, выраженіямъ, вытекающимъ изъ сердецъ, всегда съ удивленіемъ почитающихъ украшающія Васъ совершенства. Удостойте принять простое сіе привѣтствіе, сопровождаемое усерднымъ моленіемъ къ Пастыреначальнику, чтобы онъ сохранилъ жизнь Вашу подъ кровомъ Своей благости, ко благу церкви и всей паствы Вашей.

Вашего Высокопреосвященства
Милостивѣйшаго отца и Архипастыря
нижайшіе послушники
Московской Духовной Консисторіи присутствующіе.

Іюля 14-го числа,
1821 года.
Москва.

III.

Отвѣтъ на имя Андроніевскаго Архимандрита Гермогена.

Преподобный отецъ Архимандритъ,
возлюбленный о Господѣ братъ!

Въ лицѣ вашемъ да будетъ мнѣ позволено отвѣтствовать вамъ, вмѣстѣ съ сотрудниками вашими по Консисторіи, на общее письмо ваше.

Письмо сіе я принялъ — какъ начатокъ общенія Московской церкви съ моимъ недостоинствомъ.

Господь да благословитъ сей начатокъ и да совершитъ насъ всѣхъ въ общеніе истинное, чистое и полное.

Доброе мнѣніе и надежды, коими вы безъ заслуги предваряете, признаю я со стороны вашей за дѣйствіе благаго ока, которое ищетъ добраго и не примѣчаетъ недостатковъ; а въ отношеніи ко мнѣ — за наставленіе и побужденіе къ тому, къ чему я стремиться долженъ. Споспѣшествуйте мнѣ, отцы и братья, молитвами вашими и сотрудничествомъ вашимъ — да будетъ служеніе мое не осуждено предъ Богомъ и угодно великой церкви Московской.

Каждый день помышляю о пути къ вамъ; но, кромѣ другихъ препятствій къ сему пути, мнѣ нужно прежде благословеніе достопочитаемаго предшественника.

Съ надеждою и любовію духа есмь
вашъ усердный
Филаретъ, Архіепископъ Московскій.

С.-Петербургъ.
Іюля 19-го числа.

P. S. Есть ли время и у васъ такъ дождливо, какъ и здѣсь; то, думаю, совершаются моленія.

Государственная Публичная Историческая Библіотека

Изъ „Бесѣдъ Общества Любителей Русской Словесности“, выпускъ II-й.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.

КОПИРОВАНИЕ

23.04.04